

Лебеди из Ижевска

На сцене киноконцертного зала «Космос» завершили гастроли удмуртского балета

**Светлана
НАБОРЩИКОВА,
для «Новых
Известий»**

Провинциальные балетные труппы ныне редко приезжают в Москву. Не то что в советские времена, когда москвичи могли видеть гостей на различных месячниках дружбы, неделях культуры союзных республик и прочих мероприятиях. За последний год состоялись лишь два визита: прошлым летом на фестиваль циркового и балетного искусства приехала труппа из Самары, а в апреле на «Золотой маске» встречали новосибирских артистов. Так что столичные любители балета больше наслышаны о парижской Grand Opera, чем о родных отечественных театрах из глубинки. А им, театрам, для собственного самоутверждения и поднятия престижа поездки в центр культуры очень необходимы. В былые времена они оплачивались из бюджета большой страны, а ныне все расходы возложены на местные администрации. Хорошо, если находится энергичный, продвинутый директор, вроде Аннеты Сидоровой, разумеющей за свой Удмуртский театр оперы и балета, как за Малое дитя. Во многом благодаря ее уму и обаянию государственные и коммерческие структуры Удмуртии нашли такую возможность продемонстрировать ижевский балет в столице.

В репертуаре основанного в 1958 году театра десять спектаклей. Три из них — «Жизель», «Лебединое озеро» и «Шелкунчик» — театр привез в Москву. Особый интерес вызывали два последних, которые поставил московский балетмейстер Борис Мягков, ныне художественный руководитель удмуртского балета. Он давно известен умением работать с провинциальными труппами. Балетоманы со стажем помнят историю балета Сыктывкарского музыкального театра, из которого Мягков сделал жи неспособный коллектив. Рецепт его работы прост. Надо ставить то, что артисты могут исполнить и исполнить с удовольствием. От балетмейстера здесь требуется так скомпоновать простые в сущности движения, чтобы простота не выглядела примитивной, а смотрелась бы достойным искусством.

Мягков в этом преуспевает, творит из того, что есть под рукой. И творит изобретательно. Вот, например, венчающий первый акт «Шелкунчик» вальс снежных хлопьев. Все его участники — восемь снежинок, четыре ангела, Маша с Шелкунчиком и Дроссельмейер — вовлечены в текучую танцевальную стихию. Большая сцена сделана на едином дыхании, от ее продолжительности не устаешь, хотя пользуется хореограф подчеркнуто простыми средствами — па де бурре, арабесками, сиссонами. Иллюзия охвата большого пространства, ощущение вихря, кружащегося на зимней поляне, достигаются сквозным движением из кулисы в кулису. Танцовщики мелькают и исчезают, продолжая танец где-то в параллельных мирах. А в восприятии зрителя остается образ движения, его неосязаемый фантом.

Помимо музыкальности и ощущения танца, то есть качества хоро-

**Наталья Коробейникова — Одетта,
Максим Мельников — Зигфрид.**

шего хореографа. Мягков мастер рассказывать истории и придумывать оригинальные варианты давно известных сюжетов. «Шелкунчик» и «Лебединое» у него образуют своеобразную дилогию. Это балеты о том, как рушатся во взрослой жизни детские мечты и грезы. Если в «Шелкунчике» такой сюжетный поворот нельзя назвать неожиданным, то в «Лебедином» для реализации той же идеи требуются введение новых действующих лиц и иная трактовка уже знакомых персонажей. Появляется мальчик, маленький принц, забытый занятой собой матерью. Злой гений становится черным человеком, вселяющим сомнения в юную душу. И мальчик, и черный человек уже фигурировали в иных прочтениях балета Чайковского, но Мягков объединяет их в знаковую пару и делает это по-своему убедительно и не без элегантности.

В одном беда. Поставив заново первое и третье действия, он сохранил белый акт с адажио, вариацией и кодой Одетты (не поднялась рука на произведение Льва Иванова) и черное па-де-де обольщения. Лебединые сцены проваливают лебеди. Женский кордебалет стареется, но достойного уровня не показывает: нет линий, нет синхронности, а значит, и нет поэзии. Встречу Одиллии и Принца не вытягивают солисты труппы — Наталья Коробейникова и Максим Мельников. Не хватает технической оснащенности и уверенности премьеров. Хотя 25-летняя Коробейникова, классическому танцу учившаяся только четыре года, демонстрирует незаурядные балеринские данные — красивые пропорции удлиненного тела, нервные руки, трепетные кисти. Второй Одетте, артистке Большого театра Анне Ивановой, миниатюрной, музыкальной и пластичной, по сегодняшним стандартам недостает роста и линий.

Самый сложный текст хореограф отдал главному герою — принцу Зигфриду. Солист Большого Андрей Евдокимов выполняет все технические вещи: чисто вращается, высоко прыгает (балзам на сердце балетомана — мягков, как в масле, приземление). Но танцует он некоего среднестатистического принца, а хореограф требует мятушегося неврастеника. Юный Мельников, к штампам еще не привыкший, больше в роли, но сложный текст ему, что называется, «на вырост». Так же, как и весь спектакль для молодой ижевской труппы. Московская примерка продемонстрировала неплохие перспективы роста, с чем можно поздравить Бориса Мягкова и его подопечных.